

К вопросу о редких цветообозначениях в русской топонимии

Принято считать, что при номинации топообъектов используются лексемы, обозначающие базовые цвета, и совершенно не задействуются те, которые обозначают оттенки. Это, однако, не совсем соответствует действительности.

Основы, представленные в таких базовых цветообозначениях, как *белый, жёлтый, красный, синий, чёрный*, широко распространены в топонимии. Это объясняется высокой значимостью и большой частотностью данных прилагательных в языке, что способствует закреплению определенных моделей номинации в топонимии. При этом на топонимическом уровне прилагательное служит довольно «абстрактным» цветообозначением, поскольку в реальности объекты редко имеют выраженный красный или синий цвет (мы не рассматриваем случаи, когда топонимы имеют символическое значение).

Наряду с частотными базовыми лексемами, в русской топонимии представлены и редкие цветообозначения. Так, кроме прилагательных *красный* и *жёлтый*, встречаются *кумачный, розовый, рыжий, червонный, черёмный, шафранный*.

Выбор тех или иных «цветовых» прилагательных при номинации топообъектов может объясняться как языковыми, так и внеязыковыми причинами (например, красками ландшафта). Так, в Австралии есть *Розовые озёра* — вода в них действительно розового цвета. В средней полосе России гидронимов с такой основой нет, но в микротопонимии отмечены два названия, образованные от прилагательного *розовый*: г. *Розовая Гора* (Костр.) и ур. *Розовая Елань* (Свердл.).

В большой степени распространенность топонимов, образованных от конкретных цветообозначений, зависит от употребительности последних в языке. Очевидно, что малоупотребительные прилагательные редко становятся мотивирующими словами для топонимов,

ср. единичную фиксацию названия, образованного от прилагательного *шафранный*: бол. *Шафранное* (Арх.).

В то же время некоторые цветообозначения, широко распространенные в языке, могут встречаться в топонимии редко. Так, прилагательное *коричневый* в качестве мотивирующего для топонима удалось зафиксировать лишь один раз, ср. г. *Коричешна* (Волог.). Это связано с историей слова *коричневый* в русском языке: оно появилось лишь в XVII в., долгое время использовалось только по отношению к одежде и тканям, а как обозначение цвета природных объектов (ср. *коричневая вода в реке*) стало употребляться очень поздно. Чаще в топонимии встречается прилагательное *бурый*, которое, вероятно, ранее играло роль «абстрактного» цветообозначения вместо *коричневый*: г. *Бурая* (Бурятия), д. *Бурая* (Псков.), ур. *Бурый Угол* (Костр.).

Часть редких цветообозначений в топонимии — устаревшие или устаревающие прилагательные, например, *червонный* (*червёный*, *червлёный*) и *черёмный*: г. *Червенáя Гора* (Волог.), бол. *Червёное* (Костр.), руч. *Червёный Ручей* (Арх.), г. *Червлёная* (Арх.), пож. *Червлёная* (Арх.), д. *Черёмная Гора* (Ленингр.). Указанные прилагательные были употребительными вплоть до XVII в., но постепенно заменились прилагательным *красный*.

В основах топонимов встречаются цветообозначения, не употребляемые в современном русском языке по отношению к природным объектам, а называющие цвет кожи (*смуглый*), цвет волос (*седой*, *рыжий*), цвет ткани (*кумачовый*). Многие из этих топонимов имеют метафорическое происхождение. Например, название ур. *Кумашиное* (Свердл.) производно от *кумашный* (*кумачный*) ‘относящийся к кумачу, цвета кумача’, ср. диал. *как кумач натянут* ‘о ягодных местах’.

Среди таких цветообозначений наиболее частотны прилагательные, называющие масти лошадей: *буланый* — ср. о-в *Буланко*, о-в *Буланый* (Перм.), г. *Буланый Камень* (Челяб.); *бусый* — ср. пок. *Буско* (Перм.), пок. *Бусова* (Арх.); *вороной* — ср. р. *Вороная* (Респ. Коми), пок. *Вороное* (Волог.), пок. *Воронуха* (Арх.); *пегий* — ср. поле *Пегаха* (Арх.), оз. и ур. *Пегуха* (Свердл.), поле и пок. *Пегуша* (Волог.); *саврасый* — ср. пок. *Савраско* (Арх.).

Местные жители часто объясняют подобные топонимы ситуативно: «Там умерла бусая (саврасая, пегая) лошадь». Безусловно, нельзя отрицать отдельных ситуативных номинаций, однако достаточно

большое количество топонимов позволяет говорить о существовании модели, предполагающей соотнесение цвета природного объекта с мастью лошади. Например, известно, что камень *Буланый* действительно рудо-желтого цвета. Такая же модель отмечается в тюркской топонимии, где употребляются прилагательные *кер* ‘гнедой’ и *кула* ‘саврасый’ [Молчанова, 1988, 91–92].

Следует учитывать и тот факт, что рассматриваемые прилагательные в русском языке меняли свое значение и могли в прошлом обозначать (и сегодня обозначают в диалектах) не только масть лошади. Например, в лечебнике XVII в. словом *вороной* назывался цвет травы [Бахилина, 1975, 79]. В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» *пегий* определяется как ‘пестрый’ (приводится сочетание *камни пегие*), и лишь вторым дается значение ‘о масти животного’. Широкий спектр значений имеет в диалектах прилагательное *бусый*: ‘серый, дымчатый, неопределенного цвета’ («Гора была бусая, бусая, а теперь зазеленела»). Употребление подобных прилагательных в топонимии может служить дополнительным подтверждением того, что ранее они имели более широкий спектр сочетаемости и могли применяться по отношению к природным объектам.

Редкие цветообозначения активно используются сегодня при искусственной номинации для создания ярких, оригинальных, запоминающихся названий, ср.: *Лазурная Бухта* в Приморском крае, *Оранжевые улицы* во многих городах России, *Палевый Ручей* в Якутии, *Рыжий Лес* (*Ржавый Лес*) около Чернобыля, *Седая Гора* в Приморском крае (название дал проводник геологической партии в одном из маршрутов, так как покрытая снегом вершина горы казалась седой сквозь пелену дождя), *Сиреневое Поле* — поле лаванды в поместье Лучезарное Московской области, и др.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

Молчанова О. Т. Серые, синие, красные, промежуточные цвета в ономастике некоторых тюркских народов // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии. Уфа, 1988. С. 89–103.